

Почему Бог не пускает нас в рай просто так?

Часто мы представляем себе рай в виде какого-то курорта с теплым морем и сочными фруктами, и, действительно, море и фрукты, и все, что есть хорошего в тварном мире, в раю будет, но это не главное. Потому что рай, как сказал Г. К. Честертон — это не новые вещи, это новые отношения. Мы созданы, чтобы быть бесконечно счастливой семьей, глава которой — Бог.

Как говорится в старинном гимне, «там где любовь истинна — там и есть Бог». Мы видим отблески рая там, где есть истинная любовь между людьми — например, в семье или в церковной общине.

Библия сравнивает отношения с Богом с браком или усыновлением — это личные отношения, в которые человек, как минимум, должен захотеть войти. Ситуация «без меня меня женили» тут невозможна.

Причем чисто формального согласия тут недостаточно — нужно, чтобы мы глубоко изменились, вернее, дали Богу нас изменить. Невозможно сделать эгоистичного, самозаклещенного человека счастливым в браке — его вообще невозможно сделать счастливым, пока он не изменится. Невозможно дать вечное счастье человеку, который алчен, властолюбив или мстителен — потому что грех в принципе, по своей природе, несовместим с вечным счастьем. Грех — это и есть вечное несчастье.

Разве в раю не будет невыносимо скучно? Всю вечность сидеть на облаках и петь хором славу Богу...

Образ праведников в белых халатах, вечно поющих гимны, конечно, карикатура. Но и он может быть полезен в некотором отношении. Музыка — действительно, один из образов рая. Как заметил писатель-фантаст Терри Пратчет (неверующий), «я хотел бы умереть с Томасом Таллисом в моем айпode, потому что музыка Томаса может приблизить к раю даже атеиста». Таллис — английский церковный композитор XVI века, и то, что даже твердый атеист, как Пратчетт, воспринимает именно его музыку как образец красоты весьма характерно.

Великая музыка свидетельствует нам о чем-то, выходящем за пределы нашей земной жизни — о рае, о вечной жизни, и «я хотел бы вечно вот так петь Богу» — это переживание, многим понятное.

Но этот образ интересен в еще одном смысле — человеку эстетически неразвитому, который предпочитает попсу и блатняк, великая музыка будет невыносимо скучна. Поместите на концерт величайших исполнителей, которые будут исполнять величайшие шедевры — и он сбежит. Ему будет невыносимо скучно с музыкой, которую он не любит. Чтобы быть причастными райскому блаженству, мы

должны дать Богу вырастить в нас глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Но за вечность можно успеть переслушать всю музыку, совершить все открытия, посетить все далекие планеты, исчерпать все возможности как-то с интересом проводить время — и впереди останется еще вечность.

Даже в нашем мире скука связана не с тем, что в мире нет ничего интересного, а с тем, что человек не способен найти в этом интерес. Это проблема человека, а не внешнего мира. Это симптом обращенности на себя, требования к миру, чтобы он меня развлекал и вообще делал мне интересно.

Когда у человека есть представление о долге — даже не обязательно религиозном, долге по отношению к людям, стране, науке, еще какому-то делу, которому он себя посвящает, ему некогда скучать. Он занимается важной и осмысленной деятельностью.

В раю никто не обращен на себя — все обращены к Богу и друг другу, само спасение предполагает переориентацию с себя на Бога и ближних.

Конечно, мы можем сказать, что любое земное дело, которому человек посвящает себя, исчерпаемо — если вы, например, строите дом, вы когда-нибудь его достроите, если вы сочиняете симфонию — когда-нибудь ее сочините, если хотите оставить свои следы на пыльных дорожках далеких планет — вы когда-нибудь их оставите.

Но, в отличие от всех тварных реальностей, которые только косвенно указывают на Бога, сам Бог неисчерпаем — мы бесконечно будем возрастать в познании Бога, в любви к нему, в творчестве, которое прославляет Бога, мы также будем радоваться друг другу и всему тварному миру,

который будет все более отражать славу Бога и Его святых. Это будет «история, которая длится вечно, и история, в которой каждая следующая глава лучше предыдущей» © К. С. Льюис, «Последняя Битва».

Первые люди — как вы говорите — пали по своей свободной воле. Но что помешает святым пасть в раю, если он сохраняют всю ту же свободную волю?

Мы можем говорить о двух видах невозможности — внешней и внутренней. Внешне человек не может совершить какой-то грех, потому что это для него невозможно физически — например, не может украсть деньги, потому что их тщательно охраняют. Внутренняя невозможность связана с качествами самой личности — мы можем сказать «Имярек не может украсть», имея в виду то, что он честный человек и никогда так не поступит, хотя бы к тому были и все возможности.

Святые, конечно, сохраняют свободную волю — и ничто не препятствует им пасть, если бы они захотели. Но они не хотят и не захотят никогда. Примерно как счастливый семьянин может, но не хочет разрушить свою семью. Как говорит об этом блаженный Августин, «и не нужно порицать волю, не нужно говорить, что воли нет или что она — несвободна, коль скоро мы так желаем быть счастливыми, что не только не хотим себе несчастья, но и не можем хотеть».

Автор: Сергей Худиев

